

БЛЕЙК ПИРС

МОТИВ
для
ОПАСЕНИЙ

ЗАГАДКИ ЭЙВЕРИ БЛЭК - КНИГА 4

Загадки Эйвери Блэк

Блейк Пирс

Мотив для опасений

«Lukeman Literary Management Ltd»

Пирс Б.

Мотив для опасений / Б. Пирс — «Lukeman Literary Management Ltd», — (Загадки Эйвери Блэк)

ISBN 978-1-63-291868-0

«Динамично развивающаяся сюжетная линия, которая захватывает с первой главы и не отпускает до самого конца», — издание Midwest Book Review, Диана Донован (о книге «Когда она ушла»). Новый шедевр среди любимившихся бестселлеров Блейка Пирса, который будет держать вас в напряжении: МОТИВ ДЛЯ ОПАСЕНИЙ (серия «Загадки Эйвери Блэк» — Книга 4). Наткнувшись на тело в замерзшей реке Чарльз, полиция Бостона решает привлечь своего самого блестящего, хоть и довольно противоречивого детектива по расследованию убийств – Эйвери Блэк. Ей не требуется много времени, чтобы понять, что перед ними не просто обычное убийство, а работа серийного маньяка. Со временем всплывают и другие тела, у которых явно есть кое-что общее: все они попадают в ловушку из льда. Совпадение? Или все же почерк чем-то сильно разозленного убийцы? Под растущим давлением СМИ и начальства, Эйвери изо всех сил пытается понять нелогичный поступок, который даже ей кажется слишком странным и необъяснимым. Одновременно ей приходится сдерживать собственную депрессию, так как личная жизнь снова рухнула в самый низ. И со всем этим приходится бороться, пытаясь проникнуть в разум психически больного и неуловимого убийцы. То, с чем Блэк предстоит столкнуться, шокирует даже ее саму и заставит понять, что пустота является именно пустотой, а тьма иногда становится нам ближе всего. Интригующий психологический триллер МОТИВ ДЛЯ ОПАСЕНИЙ – это четвертая книга захватывающей серии детективов с любимым героем, которая заставит вас листать страницы до самой ночи. Книга №5 из серии детективов об Эйвери Блэк будет доступна уже скоро! «Шедевр детектива и триллера. Пирс провел великолепную работу, полностью открыв нам внутренний мир героев. Он настолько хорошо составил психологические портреты, что читая книгу, ты чувствуешь себя окунувшимся в действия, ощущаешь страхи и искренне болеешь за успех.

Сюжет является очень захватывающим и будет держать вас в напряжении до самого конца. Эта книга, наполненная неожиданными поворотами, не отпустит вас до последней страницы», –Роберто Маттос, Обзоры книг и кино (о сюжете «Когда она ушла»).

ISBN 978-1-63-291868-0

© Пирс Б.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ПРОЛОГ	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	18
ГЛАВА ПЯТАЯ	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ	23
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	27
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	31
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	35
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

БЛЕЙК ПИРС МОТИВ ДЛЯ ОПАСЕНИЙ

Блейк Пирс

Блейк Пирс – автор серии-бестселлера «Загадки Райли Пейдж», включающей в себя семь захватывающих книг (серия продолжается). Помимо этого он является создателем «Загадок Макензи Уайт», состоящей из пяти книг (серия продолжается); «Загадок Эйвери Блэк», также содержащей четыре книги (и продолжающейся), и новой серии под названием «Загадки Кери Локи».

Книголюб и большой поклонник триллеров и детективов, Блейк будет рад услышать ваше мнение, поэтому заходите на www.blakeperceauthor.com, чтобы узнать больше и оставаться в курсе новинок!

КНИГИ БЛЕЙКА ПИРСА

ЗАГАДКИ РАЙЛИ ПЕЙДЖ

КОГДА ОНА УШЛА (книга № 1)

КОГДА КРУГОМ ОБМАН (книга № 2)

КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ (книга № 3)

КОГДА ПРИМАНКА СРАБОТАЛА (книга № 4)

КОГДА ОХОТА НАЧАЛАСЬ (книга № 5)

КОГДА СТРАСТЬ СИЛЬНА (книга № 6)

КОГДА ПОРА ОТСТУПИТЬСЯ (книга № 7)

КОГДА ОСТЫЛИ СЛЕДЫ (книга № 8)

КОГДА ПОГОНЯ БЛИЗКА (книга № 9)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ МАКЕНЗИ УАЙТ»

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УБЬЕТ (Книга № 1)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ЗАМЕТИТ (Книга № 2)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ДОСТАНЕТ (Книга № 3)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ВОЗЬМЕТ СВОЕ (Книга № 4)

ПРОЛОГ

В свои тридцать девять лет Дэнис Напьер не могла припомнить настолько же холодную зиму, как эта. Она никогда не придавала особого значения холоду, но острый, ледяной ветер портил все настроение. Сидя на раскладном стуле и наблюдая, как ее дети катаются на коньках, Дэнис поежилась, ощутив сильный порыв, пролетевший по берегу реки Чарльз. Была уже середина января, но температура за последние полторы недели практически не изменилась.

Малыши, гораздо более смысленные, нежели она хотела признать, прекрасно понимали, что такая низкая температура означала, что большинство участков реки Чарльз замерзли полностью. Именно поэтому она сходила в гараж и впервые в этом году достала коньки. Дэнис заточила лезвия, проверила шнуровку и подготовила три термокружки с горячим какао для себя и детей.

Она наблюдала за тем, как они безрассудно носились от берега к берегу с грациозностью, присущей лишь детям. Прямой и узкий участок сплошного льда, к которому они пришли, находился в полутора километрах от дома, сразу за лесополосой. Между берегами было всего около двадцати футов, но местами импровизированный каток расширялся до тридцати. Дальше лед был тонок и можно было провалиться в реку. Дэнис неуклюже вышла и расставила маленькие оранжевые конусы, которыми они иногда пользовались при игре в футбол, чтобы подчеркнуть границы.

Она смотрела, как ее девятилетний Сэм и двенадцатилетняя Стейси радостно смеялись и искренне наслаждались компанией друг друга. Такое происходило достаточно редко, поэтому Дэнис была готова мириться с сильным морозом.

На реке было еще несколько детей. Некоторых Напьер даже знала, но не настолько хорошо, чтобы завести разговор с их родителями, сидевшими на берегу. Большинство ребят были чуть старше, возможно, восьмой или девятый класс. Три мальчика пытались играть в хоккей, а девочка старательно практиковалась в фигурном вращении.

Дэнис взглянула на часы. Она дала детям дополнительные десять минут и пора было возвращаться домой. Может они усядутся перед камином и посмотрят что-нибудь на Netflix. К примеру, один из тех фильмов про супергероев, которые начинали нравиться Сэму.

Ее мысли были прерваны пронзительным криком. Дэнис обернулась и увидела, что Стейси упала на лед. Она кричала, глядя куда-то вниз.

Материнский инстинкт прорвался буквально по всему телу. *Сломанная нога, вывернутая лодыжка, сотрясение мозга...*

К тому времени, как Дэнис добежала до катка, она прокрутила в голове все возможные варианты развития событий. Она скользила по льду к дочери, наблюдая, как Сэм, молча, но не менее ошарашенно, смотрит вниз, катаясь рядом.

– Стейси? – позвала она, едва услышав собственный голос на фоне криков дочери. – Стейси, милая, что случилось?

– Мам? – произнес Сэм. – Что... что это?

Совершенно запутавшись, Дэнис, наконец, добралась до детей и опустилась на колени рядом с дочкой. Она выглядела целой и невредимой. Стейси перестала кричать, когда подошла мама, но сильно задрожала, лишь указывая на лед и пытаясь что-то произнести.

– Стейси, в чем дело?

Затем Напьер увидела фигуру подо льдом.

Это была женщина с бледно-голубым лицом и широко раскрытыми глазами. Она будто смотрела на них сквозь лед с замеревшим ужасом. Светлые волосы частично слезли, обнажив череп, так и застыв в полном беспорядке.

Это лицо с огромными глазами и бледной кожей преследовало Дэнис в кошмарах еще долгие месяцы.

Но все, что она смогла сделать сейчас, это закричать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эйвери не могла вспомнить, когда в последний раз так безрассудно тратила деньги. Она понятия не имела, сколько выкинула на ветер, так как перестала считать уже после второй покупки. На самом деле, она и чеки не особо проверяла. Роуз сейчас с ней, а это само по себе было бесценно. Возможно, она и ощутит шок, когда получит общий счет, но в данный момент это не имело никакого значения.

С маленькими экстравагантными дамскими сумочками, стоящими у ее ног, Эйвери посмотрела на дочь, сидящую напротив. Они находились в модном местечке под названием «Кофе Неро» в Лисер-дистрикт, куда ее привела Роуз. Сам кофе был достаточно дорогим, хотя лучшим из того, что Эйвери пробовала в последнее время.

Дочь постоянно держала в руках телефон, переписываясь с кем-то. В обычной ситуации это разозлило бы Блэк, но она училась не обращать внимание на мелочи. Раз уж они с Роуз собирались наладить отношения, то стоило пойти на некоторые уступки. Она напонила себе, что у них была разница в двадцать два года и Роуз выросла в совершенно ином мире, нежели сама Эйвери.

Дописав очередное смс, дочь положила телефон на стол и с извиняющимся видом взглянула на мать.

– Извини, – сказала она.

– Не стоит, – ответила Блэк. – Могу я поинтересоваться кто это?

Роуз задумалась. Эйвери понимала, что она также работает над собой, а именно над компромиссами в их отношениях. Она до сих пор не могла определиться, в какую часть своей личной жизни стоит впустить мать.

– Маркус, – тихо произнесла она.

– Ох. Я и не знала, что вы еще вместе.

– На самом деле, нет. Ну... Я не знаю. Возможно, немного.

Эйвери улыбнулась, вспомнив, каково бывает, когда люди одновременно запутываются и ничего не понимают:

– Ну, вы же встречаетесь?

– Думаю, это можно так назвать, – сказала Роуз.

Она была немногословна, а по щекам растекался румянец.

– Он хорошо относится к тебе? – спросила Эйвери.

– В большинстве случаев. Но, оказалось, что мы хотим разного. Он не самый целеустремленный парень. Скорее просто растрчивает свое время.

– Что ж, ты знаешь, что я не против выслушать тебя, – произнесла Блэк. – Я всегда готова к этому. И к разговору. Могу помочь отомстить тем, кто делает тебе больно. С моей работой... На самом деле ты мой единственный друг, – добавила она, внутренне съежившись от того, как это прозвучало, но слов было не вернуть.

– Я это знаю, мам, – ответила Роуз, ухмыльнувшись. – Не стоит говорить, насколько это печально.

Они рассмеялись, но внутренне Эйвери поразила тому, как похожа в этот момент на нее была дочь. В момент, когда разговор становился слишком личным или эмоциональным, Роуз либо замолкала, либо сводила все к шутке. Другими словами, яблочко от яблони не далеко падает.

Пока они смеялись, хрупкая милая официантка принесла кофе, который они заказали чуть раньше.

– Что-нибудь еще? – уточнила она.

– Мне ничего, – ответила Эйвери.

– Мне тоже, – кивнула Роуз и встала, как только официантка покинула их. – На самом деле мне пора идти. Через час у меня встреча с научным руководителем.

Это была еще одна вещь, которой боялась Блэк. Она была рада, что дочь, наконец, решила поступить в колледж. В девятнадцать лет она все же предприняла некоторые действия и назначила несколько встреч с преподавателями Бостонского колледжа. Как Эйвери поняла, Роуз была готова на важные изменения в жизни, но не совсем готова оставить привычные вещи, включая напряженные, но поправимые отношения с матерью.

– Позвони мне позже и расскажи, как все прошло, – сказала она.

– Хорошо. Еще раз спасибо, мам. Было на удивление весело. Нам следует повторить в скором времени.

Блэк кивнула, наблюдая, как дочь уходит. Она сделала последний глоток ароматного кофе и встала, поднимая все четыре сумки. Перекинув их через плечо, она вышла из заведения и направилась к своей машине.

Ответить на раздавшийся звонок, таща на себе все покупки, стало довольно суровым испытанием. Честно говоря, Эйвери ощущала себя глупо со всеми этими сумками. Она не относилась к тому типу женщин, которым нравилось заниматься шопингом. Но они отлично провели время с Роуз, а именно это было главным.

Перекинув все на одно плечо, ей, наконец, удалось достать телефон из внутреннего кармана пальто.

– Эйвери Блэк, – произнесла она.

– Блэк, – раздался грубый и быстрый голос руководителя Убойного отдела участка А1, Дилана Коннелли. – Ты сейчас где?

– В Лисер-дистрикт. Что случилось?

– Ты нужна мне на реке Чарльз, в районе Уотертауна, как можно быстрее.

В его тоне прозвучала настойчивость, от чего ее сердце бешено заколотилось.

– Что там? – спросила Эйвери, практически опасаясь услышать ответ.

Последовала длительная пауза, а затем тяжелый вздох.

– Мы нашли тело под льдом, – ответил он. – Тебе стоит самой взглянуть, чтобы понять, о чем я.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эйвери прибыла на место происшествия ровно через двадцать семь минут. Уотертаун, штат Массачусетс, находился примерно в двадцати милях от Бостона и являлся одним из многочисленных городков, которые были отделены от него рекой Чарльз. Вверх по течению от моста Уотертаун находилась одноименная плотина. Окружала ее в основном сельская местность, что касалось и самого места происшествия, на котором сейчас стояла Блэк. Она прикинула, что плотина располагалась в добрых пятнадцати милях отсюда, тогда как сам Уотертаун – в четырех.

Спустившись к реке, Эйвери нырнула под длинную полицейскую ленту, огораживающую место преступления. Площадь оказалась довольно большой. Желтая лента ограничила участок от двух деревьев на берегу до стальных столбов, которые копы забили прямо в лед. Коннелли стоял на берегу, разговаривая с двумя офицерами. На реке находилась команда из трех человек, рассматривающая что-то во внизу.

Она прошла мимо Коннелли, махнув ему рукой. Дилан лишь проверил часы, изобразил впечатление и помахал в ответ.

– Судмедэксперты введут тебя в курс дела, – сказал он.

Эйвери была непротив. С Коннелли было сложно, хоть она постепенно и начинала к нему привыкать. Она вышла на лед, задаваясь вопросом, могут ли ее несколько походов на каток в детстве помочь с равновесием. Судя по всему, эти навыки она все же растеряла. Блэк медленно перемещалась по скользкой поверхности, стараясь не упасть. Она ненавидела ощущать себя уязвимой и не иметь полный контроль, но проклятый лед никак не поддавался.

– Все в порядке, – произнес один из членов команды судебной экспертизы, увидев, как она медленно приближается к ним. – Хэтч трижды приземлился на задницу.

– Заткнись, – ответил другой специалист, по-видимому, сам Хэтч.

Эйвери, наконец, добралась до того места, где ссорились криминалисты. Они слегка сгорбились, разглядывая свежую лунку. Под ней находилось тело обнаженной девушки лет двадцати. Если отбросить вид бледной, частично замороженной кожи в сторону, она выглядела поразительно. Красиво, на самом деле.

Эксперты сумели закрепить тело, прицепив под руками пластмассовые кольшшки. Конец каждого из них имел простой U-образный изгиб, покрытый чем-то, похожим на хлопок. Справа от лунки лежало утепленное одеяло, подготовленное специально для тела.

– Ее нашли в таком виде? – спросила Эйвери.

– Да, – ответил парень, которому она присвоила имя Хэтч. – К сожалению, дети. Мать позвонила в местный участок и мы прибыли сюда через час и пятнадцать минут.

– Ты Эйвери Блэк? – уточнил третий эксперт.

– Да.

– Тебе нужно проверить все до того, как мы ее вытащим?

– Да, если вы не возражаете.

Все трое немного отступили назад. Хэтч и тот парень, который смеялся над его неуклюжестью, держались за пластмассовые столбики. Эйвери медленно приблизилась. Края ее обуви находились менее, чем в шести дюймах от разбитого льда и открытой воды.

Лунка позволяла ей рассмотреть тело девушки от бровей до самых колен. Она выглядела почти как восковая фигура. Блэк знала, что низкие температуры могут дать подобный эффект, но в ее безупречности было что-то еще. Она была невероятно худой, возможно, чуть более ста фунтов. Милое личико приобрело синий оттенок, но на нем не было ничего лишнего – ни пятнышка, ни царапины, ни пореза, ни синяка, даже ни единого прыщика.

Эйвери также обратила внимание, что кроме промокших и частично замороженных светлых волос, на ее теле не было ни одного волоска. Ноги идеально выбриты, как и интимная зона. Девушка была похожа на куклу в натуральную величину.

Еще раз взглянув на тело, Блэк отступила.

– Я закончила, – сообщила она команде судмедэкспертов.

Они шагнули вперед и, на счет три, медленно вытащили труп из воды. Сделав это, специалисты наклонили его таким образом, чтобы разместить на подготовленном одеяле. Эйвери заметила, что под ним лежали носилки.

Когда тело было полностью на поверхности, Блэк обратила внимание на два странных момента. Во-первых, на девушке не было ни единого украшения. Она присела на корточки и увидела, что уши жертвы проколоты, но сережки отсутствовали. Затем она отметила, что ногти на руках и ногах были аккуратно обрезаны до такой степени, будто она только вышла из салона.

Странно, но именно это вызвало тревогу. В холодной плоти, приобретшей синий цвет под ногтями, было что-то жуткое.

«Такое ощущение, что ее целенаправленно привели в такой вид», – подумала Эйвери.

– Все готово? – еще раз уточнил Хэтч.

Она кивнула.

Криминалисты накрыли тело и осторожно двинулись в сторону берега, волоча за собой носилки. Эйвери осталась у кромки льда, глядя на воду и размышляя. Она порылась в карманах в поисках мусора, но наткнулась лишь на резинку для волос, которую использовала с утра.

– Блэк? – окликнул ее с берега Коннелли. – Что ты делаешь?

Она присмотрелась и поняла, что он стоит рядом со льдом, но явно старается не наступать на него.

– Работаю, – крикнула Эйвери в ответ. – Почему бы тебе не подойти и не помочь мне?

Дилан закатил глаза и она снова отвернулась к лунке. Блэк бросила резинку в воду и стала наблюдать, как та скачет по волнам то вверх, то вниз. Затем она проскользнула под лед и отплыла влево, в сторону Уотертауна.

«Ее бросили в воду где-то в другом месте», – подумала Эйвери, глядя в сторону Бостона вдоль реки. На берегу Коннелли и офицер, с которым он разговаривал чуть раньше, возглавили команду криминалистов.

Блэк оставалась стоять на льду, замерзая и рассматривая пар, идущий от собственного дыхания. Что-то в этом ледяном воздухе привлекало ее внимание. Он помогал ей думать, хрустя ботинками по льду и используя этот легкий звук в качестве метронома, объединявшего мысли в голове.

«Обнаженная, без единого пятнышка или синяка. Нападение исключаем. Никаких украшений, то есть это могло быть ограбление, но опять же, остались бы следы борьбы... а тело этой девушки безупречно. А ногти? И абсолютное отсутствие волос, не считая головы?»

Эйвери медленно прошла к берегу, глядя вниз на замерзшую реку, туда, где она извивалась в направлении Бостона. Было странно думать о прекрасном виде на Чарльз из Бостонского университета, когда менее, чем двадцать минут назад, из нее вытащили застывшее тело.

Подойдя к берегу, она подняла воротник пальто. В этот момент как раз закрывали задние двери фургона судмедэкспертов. Коннелли шел навстречу, глядя на замерзшую воду позади нее.

– Ты рассмотрел ее? – спросила Эйвери.

– Да. Она похожа на проклятую игрушку или что-то в этом роде. Бледная, холодная и...

– И само совершенство, – закончила Блэк. – Заметил, что волос совсем нет? Никаких синяков, ушибов.

– И украшений, – согласился Коннелли и добавил, тяжело вздохнув. – Господи, мне интересно твое мнение.

Эйвери очень хотела бы вернуть все на свои места. С тех пор, как два месяца назад Коннелли и О'Мэлли предложили ей повышение до сержанта, все изменилось. Им, казалось, больше хотелось услышать ее мнение с самого начала, нежели задавать вопросы, когда она уже сама готова была поделиться.

– Ее ногти в идеальном состоянии, – произнесла она. – Будто ее бросили в реку сразу после того, как она вышла из салона. Также по всему телу проведена эпиляция. Что-то одно уже выглядит странным, а вместе подобные вещи просто кричат о целенаправленности действий.

– Думаешь, кто-то специально сделал это перед убийством?

– Похоже на то. Точно также готовят тела для похоронного зала, придавая им максимально презентабельный вид для прощания. Тот, кто это сделал, подготовил ее, проведя эпиляцию и сделав маникюр.

– Есть идеи для чего?

– Сейчас я могу лишь гадать, – пожала плечами Эйвери. – Но готова точно сказать одну вещь, которая тебе вряд ли понравится.

– Ох, черт! – ответил Дилан, догадываясь, о чем пойдет речь.

– Парень не торопился... Не только с убийством, но и с подготовкой тела. Он сознательно делал это. Неспеша. Глядя на подобные случаи, я практически могу гарантировать, что эта жертва не будет единственной.

– Я соберу совещание в А1, – сказал он, вздохнув присущим лишь ему способом и достав из кармана телефон. – Скажу, что у нас появился потенциальный серийный маньяк.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эйвери понимала, что если она собирается занять позицию сержанта, то ей предстоит преодолеть свою ненависть к конференц-залу участка А1. Она ничего не имела против комнаты как таковой, но прекрасно знала, что собрание, открытое там сразу после обнаружения тела, означает разговоры и споры, большинство из которых будет направлено на уничтожение ее предположений.

«Возможно, когда я стану сержантом, этому придет конец», – подумала она, заходя в помещение.

Коннелли сидел во главе стола, перебирая бумаги. Блэк решила, что О’Мэлли в скором времени тоже присоединится к ним. Он стал казаться ей более приятным с тех самых пор, как предложил ей повышение.

Дилан взглянул на нее сквозь растущую толпу офицеров.

– Мы быстро продвигаемся, – сказал он. – Тело, которое вытащили из реки, идентифицировали пять минут назад. Пэтти Дирборн, двадцать два года. Студентка Бостонского университета, местная. Это все, что нам известно на данный момент. Нужно сообщить родителям, когда собрание завершится.

Он дотронулся до папки, в которой пока было лишь два листа. На первом была фотография Пэтти Дирборн, скачанная из ее профиля на Facebook. Второй лист содержал еще три снимка с места происшествия. На всех было изображено лицо девушки с пурпурными веками закрытых глаз.

Пытаясь примерить на себя нездоровый разум убийцы, Эйвери представила лицо молодой девушки, каким видел ее он. Пэтти была прекрасна даже будучи мертвой. Тело, которое по мнению Блэк, было слишком худым, заставило бы многих мужчин пустить слюни. Она перебирала в голове варианты, пытаясь понять, почему убийца выбрал именно эту жертву, не имея сексуальной подоплеки.

«Может он охотился за красивыми вещами. Вопрос, конечно, в том, ищет ли он их, чтобы поглазеть или чтобы уничтожить. Он ценит красоту или хочет разрушить ее?»

Эйвери не знала, как долго она размышляла над этим. Она настолько была поглощена собственными мыслями, что даже слегка подскочила, когда Коннелли объявил о начале собрания. Она обратила внимание, что Рамирес тоже присутствовал на встрече. Он уселся рядом с Диланом и просматривал точно такую же папку, что и та, которую Блэк получила несколько минут назад. Судя по всему, он почувствовал, что она смотрит на него. Подняв глаза, он улыбнулся ей.

Она сделала то же самое, когда Коннелли начал речь, и тут же опустила взгляд, не желая раскрывать все перед другими. Хоть практически все в участке уже знали, что Блэк с Рамиресом встречаются, они все еще пытались держать это в тайне.

– К настоящему времени уже все должны были быть проинструктированы, – сказал Дилан. – Для тех, кто не в курсе, найденную женщину зовут Пэтти Дирборн, выпускница Бостонского университета. Ее нашли в реке Чарльз за Уотертауном, но она уроженка Бостона. Как отметила детектив Блэк на брифинге, информацию о котором вам переслали, течение подразумевает, что тело было выброшено в другом месте. Судмедэксперты предполагают, что труп пробыл в воде около двадцати четырех часов. Объединив эти два момента, мы получим, что от тела избавились где-то в Бостоне.

– Сэр, – влез Финли, – прошу прощения за вопрос, но почему мы даже не предполагаем самоубийство? В описании говорится, что на теле не было обнаружено ни синяков, ни иных следов борьбы.

– Я исключила это сразу, увидев, что жертва была голая, – ответила Эйвери. – Если рассматривать случай как суицид, то маловероятно, что Пэтти Дирборн разделась бы догола перед тем, как прыгнуть в реку Чарльз.

Она практически ненавидела разбивать идеи Финли. Неделю за неделей Блэк наблюдала, как он постепенно становился отличным копом. За последний год он сильно изменился, превратившись из дворового пацана, каким большинство и знало его, в трудолюбивого офицера.

– Без синяков, – сказал другой коп. – Это же очевидно.

– И является доказательством того, что это *не* самоубийство, – ответила Эйвери. – Если бы она прыгнула с высоты восемь-десять футов, то на теле остались бы следы от удара.

– Судмедэксперты согласились с этим, – сказал Коннелли. – Скоро они пришлют финальный отчет, но уже явно уверены в своих выводах. – Затем он посмотрел на Эйвери и жестом указал на стол. – Есть еще что-то, детектив Блэк?

Она решила обсудить то, чем уже поделилась с Коннелли, деталями с брифинга. Блэк отметила маникюр, эпиляцию и отсутствие украшений.

– Также стоит выделить, – добавила она, – что убийца, который пошел на это, придав своей жертве такой идеальный вид, либо имеет какое-то искаженное восхищение красотой, либо какое-то болезненное сожаление.

– Сожаление? – переспросил Рамирес.

– Да. Он украл ее и сделал настолько красивой, насколько было возможно, потому что не обязательно *хотел* убить.

– Побрил даже... нижнюю зону? – уточнил Финли.

– Именно.

– И скажи им, почему решила, что мы имеем дело с серийностью, Блэк, – сказал Коннелли.

– Даже если это *была* ошибка, тот факт, что убийца сделал маникюр и эпиляцию, означает терпеливость. Добавить это к тому, что девушка была достаточно симпатична и без единого изъяна, заставляет задуматься о его стремлении к красоте.

– Забавный способ доказать это, – сказал кто-то из присутствующих.

– И это возвращает нас к тому, что, возможно, он вовсе не планировал убивать ее.

– Ты полагаешь, что это просто неудавшееся свидание? – спросил Финли.

– Пока мы не можем быть уверены, – ответила она. – Но интуиция подсказывает, что нет. Раз он был таким внимательным по отношению к ее внешнему виду перед тем, как сбросить тело, думаю, он также потратил немалое время на выбор жертвы.

– На выбор для чего, Блэк? – спросил Коннелли.

– Думаю, это нам и предстоит выяснить. Надеюсь, судмедэксперты дадут хоть какие-то ответы, направив нас на верный путь.

– И что будем делать до тех пор? – спросил Финли.

– Будем пахать, – сказала Эйвери. – Будем копать как можно глубже в жизни Пэтти Дирборн в надежде найти ключик, который откроет дверь к этому парню прежде, чем он сделает это снова.

Когда собрание было завершено, Эйвери прошла через весь зал к Рамиресу. Кто-то должен был сообщить родителям Пэтти Дирборн и она чувствовала, что пора заняться этим. Разговор с семьей, испытывающей такое горе, эмоционально истощенной и до ужаса шокированной, как правило, мог подтолкнуть сразу с места в карьер. Блэк хотела, чтобы Рамирес присоединился к ней, в то же время поддерживая баланс между личными и рабочими отношениями. Все шло довольно сложно, но постепенно они начинали справляться.

Прежде, чем она добралась до него, в зал вошел О'Мэлли. Он разговаривал по телефону, торопясь завершить беседу. Чем бы он ни занимался, ему явно не нравился тот факт, что пришлось пропустить совещание по делу Пэтти Дирборн. Капитан остановился в дверях, ожидая,

пока выйдут все, кроме Эйвери, Рамиреса и Коннелли, и закрыл дверь. Он завершил разговор быстрым и почти грубым «*Да, позже*» и глубоко вздохнул.

– Прошу прощения, что пропустил совещание, – произнес он. – Пришли к чему-то?

– Нет, – ответил Коннелли. – Смогли идентифицировать тело и теперь пора сообщить семье. Мы работаем с предположением, что кто бы ни сделал это, он повторит снова.

– Блэк, ты можешь отправить мне краткий детализированный отчет? – попросил О’Мэлли.

– Да, сэр, – ответила она.

Он никогда не просил ее о подобных мелочах. Эйвери задавалась вопросом, было ли это его очередным странным тестом. Она заметила, что в последние несколько недель он стал более снисходительным к ней, более охотно давал ей полномочия, абсолютно не вмешиваясь в причины. Все это явно было связано с тем, что капитан хотел продвинуть Блэк до звания сержанта.

– Пока вы оба здесь, – сказал О’Мэлли, глядя на Эйвери и Рамиреса, – я бы хотел поговорить. На самом деле, разговор короткий... У меня мало времени, поэтому стоит поторопиться. Во-первых... Мне абсолютно все равно, что вы встречаетесь в нерабочее время. Я много думал о том, чтобы разъединить вас в А1, но, черт побери... Вместе вы работаете слишком хорошо. Поэтому, пока вы оба терпите все шутки и подколы со стороны коллег, можете оставаться напарниками. Договорились?

– Да, сэр, – ответил Рамирес.

Эйвери кивнула в знак согласия.

– Далее... Блэк, вся эта эпопея со званием сержанта... Мне нужно твоё решение в течение сорока восьми часов. Я пытался быть терпеливым, дав тебе возможность поразмыслить. Но уже прошло два месяца. Думаю, этого вполне достаточно.

– Да, *справедливо*, – сказала она. – Завтра мы обсудим это.

Рамирес удивленно посмотрел на нее. По правде говоря, она и *сама* не ожидала, что так ответит. В глубине души Эйвери считала, что знает, чего хочет.

– Теперь касательно дела с телом в реке, – продолжил О’Мэлли. – Официально оно твоё, Блэк. Бери Рамиреса, но ведите себя профессионально.

Эйвери слегка смутилась, понимая, что краснеет.

«*Боже*, – подумала она. – *Сначала странный шоппинг, теперь краснею из-за парня. Что, черт возьми, происходит со мной?*»

Чтобы продолжить разговор и остаться в игре, Эйвери вернула беседу к текущему расследованию.

– Я бы хотела быть той, кто сообщит семье.

– Мы можем делегировать это другому сотруднику, – предложил Коннелли.

– Знаю, но как бы ужасно это ни звучало, родители, получающие такие жестокие новости, обычно являются лучшим источником информации. Все открыто и это их болезненное место.

– Боже, это просто бессердечно, – сказал Коннелли.

– Зато эффективно, – ответил О’Мэлли. – Хорошо, Блэк. Сейчас 16:50. Если повезет, ты застанешь их на работе. Я распоряджусь, чтобы тебе отправили адрес в течение десяти минут. Приступайте. Расходимся.

Эйвери с Рамиресом вышли. Стандартный рабочий день уже заканчивался и сотрудники начали собираться по домам. Но день Блэк был еще далек от завершения. По факту, она понимала, что прийти к родителям с новостью о смерти их дочери сулит чертовски длинную ночь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Семья Дирборн проживала в небольшом причудливом домике в Сомервилле. Пока Рамирес вел машину, Эйвери читала информацию, которую ей прислали на электронную почту. Пэтти Дирборн была отличной студенткой выпускного курса Бостонского университета, стремившаяся по окончании устроиться консультантом в центр лечения расстройств поведения. Ее мать, Венди, работала медсестрой травматологии сразу в двух клиниках. Отец Пэтти, Ричард, был менеджером по развитию бизнеса крупной телекоммуникационной компании. Они являлись вполне состоятельной семьей, в досье на которых не было ни единого пятнышка.

И Эйвери собиралась сообщить им, что их дочь мертва. Не просто мертва, а найдена абсолютно голой в замерзшей реке.

– Итак, – произнес Рамирес, медленно пробираясь по узким деревенским улочкам Сомервилля. – Собираешься стать сержантом?

– Пока не знаю, – ответила она.

– Ты же склоняешься к чему-то?

– Я не хочу сейчас говорить на эту тему. Это ничтожно по сравнению с тем, что мы собираемся сделать, – покачала она головой, на мгновение задумавшись.

– Ты сама вызвалась, – напомнил он.

– Знаю, – ответила Блэк, все еще не до конца понимая зачем.

Да, ее намерение получить какую-то зацепку было вполне логичным, но она чувствовала, что есть что-то еще. Пэтти Дирборн была всего на три года старше Роуз. Было несложно представить лицо Роуз на месте найденного замороженного тела. По какой-то неведомой причине, Блэк чувствовала, что именно она должна сообщить новость семье. Возможно, это как-то связано с материнским инстинктом, но она ощущала этот груз на своих плечах.

– Позволь уточнить, – произнес он. – Почему ты так уверена, что это не одноразовое убийство? Возможно, бывший парень сошел с ума. Одно убийство и точка.

Эйвери усмехнулась, зная, что он не спорит с ней. Она давно заметила, что Рамиресу нравится рыться в ее голове. Опровержение им ее теорий было просто способом подтолкнуть Блэк.

– Основываясь на том, что нам известно о теле, парень был осторожен и довольно щепетилен. Разозленный бывший не был бы настолько аккуратен и оставил бы синяки. Маникюр с педикюром для меня весомый довод. Кто-то же потратил на это время. Надеюсь, что родители смогут рассказать нам каким человеком была Пэтти. Узнав о ней больше, мы сможем понять, что именно было сделано тем, кто бросил тело в реку.

– Кстати говоря, – сказала Рамирес, указывая вперед, – мы приехали. Ты готова?

Эйвери глубоко вздохнула. Она любила свою работу, но всегда недолюбливала эту ее часть.

– Да, идем, – ответила она.

Прежде чем Рамирес успел что-либо сказать, она открыла дверь и вышла из машины.

Блэк взяла себя в руки.

Эйвери прекрасно знала, что не существует двух людей, одинаково реагирующих на горе. Именно поэтому она абсолютно не удивилась, когда через пятнадцать минут Венди Дирборн была в полном шоке, тогда как Ричард Дирборн громко выходил из себя. Когда он ударил по

вазе, стоявшей на столе, отправив ее на пол, ей даже показалось, что в нем может проснуться жестокость.

Тяжесть новостей повисла в воздухе. Эйвери и Рамирес в основном молчали, лишь изредка задавая вопросы. Сидя в тишине, Блэк обратила внимание на две фотографии Пэтти в гостиной. Одна стояла на каминной полке, а другая представляла собой холст, висящий на дальней стене комнаты. Эйвери была права. Девушка выглядела просто ошеломительно.

Венди с Ричардом сидели на диване. Женщина едва контролировала себя, уперевшись в плечо мужа и периодически издавая всхлипывания.

С бегущими по лицу слезами Ричард взглянул на Эйвери:

– Мы можем увидеть ее? Когда мы сможем увидеть ее?

– Прямо сейчас. Судмедэксперты все еще пытаются определить, что именно с ней произошло. Как вы понимаете, холодная вода и мороз затрудняют поиск улик или доказательств. А пока, я хотела бы задать вам несколько вопросов, которые могут помочь нам найти ответы.

На лицах обоих отразился ужас и замешательство. Стало ясно, что Венди Дирборн им точно не поможет. Она находилась в состоянии полного шока, лишь иногда оглядывая гостиную, чтобы удостовериться, что понимает, где находится.

– Конечно, задавайте любые вопросы, – произнес Ричард.

Эйвери подумала, что этот человек внутренне очень силен. Возможно, он и сам пытался получить ответы.

– Понимаю, это прозвучит странно, – продолжила Эйвери, – но была ли Пэтти той девушкой, которая уделяла чрезмерное внимание эпиляции и маникюру? Вообще подобным вещам?

Ричард всхлипнул и покачал головой. Он все еще плакал, но хотя бы был способен сформировать слова между вздохами.

– Абсолютно нет. Она скорее была пацанкой. Клянусь, что возьми Вы ее руку в свою, в любой день обнаружили бы под ногтями грязь, а не красивый маникюр. Периодически она становилась более женственной, но подобное случалось крайне редко и не без повода. Иногда она уделяла много внимания волосам, но она не... не *была* такой уж девочкой. Понимаете, о чем я?

Казалось, внутри Ричарда Дирборна что-то сломалось, когда он поправил себя на *прошедшее* время. Эйвери с трудом сдержала собственные чувства, ощущая, как сердце защемило. Этого было достаточно, чтобы она не стала задавать следующий вопрос, который был запланирован: насколько часто Пэтти брила ноги. Блэк решила, что раз жертва была такой девушкой, то вряд ли уделяла бритью ног больше внимания, чем маникюру. Не было необходимости задавать подобный вопрос человеку, который только что потерял дочь.

– Вы не в курсе, были ли у Пэтти враги? Кто-то, с кем она не особо ладила?

Вопрос на мгновение повис в воздухе. Вспышка гнева, которую Эйвери уже видела на лице Ричарда Дирборна, снова вернулась. Он встал с дивана, но был остановлен рукой жены, которая взяла его за запястье.

– Этот ублюдок, – плюнул он. – Да. Мне есть, о ком *подумать* и я клянусь, что... Боже...

– Мистер Дирборн, – перебил его Рамирес, медленно поднимаясь на ноги на случай, если Ричард проявит агрессию.

– Аллен Хаггерти. Он был ее парнем в школе и не смог отпустить Пэтти, когда они расстались через два года после окончания.

– Были какие-то проблемы из-за него? – уточнил Рамирес.

– Да. Причем столько, что Пэтти пришлось обратиться в суд, чтобы ребята запретили ему приближаться к ней. Он постоянно поджидал ее после уроков. Все стало настолько сложно, что дочка переехала к нам год назад, так как спокойно жить в общежитии было невозможно.

– Он когда-нибудь проявлял жестокость? – спросила Эйвери.

– Пэтти никогда не говорила ничего подобного. Знаю, что он пытался дотронуться до нее, то обнимая, то целуя и тому подобные вещи. Но никакого насилия не было.

– Записка...

Голос Венди Дирборн был настолько слабым, что скорее напоминал ветер. Она все еще не могла смотреть на Эйвери и Рамиреса. Глаза были опущены, рот приоткрыт.

– Какая записка? – спросила Блэк.

– Записка, которую Пэтти никогда нам не показывала, но мы наткнулись на нее в кармане при стирке, когда она жила здесь, – ответил Ричард. – Этот придурок прикрепил ее к двери в комнату дочери в общежитии. Она не рассказывала, но мы считаем, что это было последней каплей для ее возвращения домой. Я не помню дословный текст, но смысл заключался в том, что он покончит жизнь самоубийством потому, что они не вместе, и как иногда это его злит. Какие-то сопли о том, что была бы она с ним, он никогда не отпустил бы ее.

– Записка еще у вас? – уточнила Эйвери.

– Нет. Когда мы попытались поговорить с Пэтти об этом, она выбросила ее.

– Как долго она оставалась здесь?

– До прошлого лета, – ответил Ричард. – Она сказала тогда, что устала жить в постоянном страхе. Мы приняли решение, что если Аллен снова что-нибудь выкинет, то сразу привлечем полицию. И теперь... Вот *это*...

Тяжелая тишина заполнила комнату, пока он, наконец, не поднял взгляд на детективов. Эйвери ощутила всю ярость и отцовское горе в его глазах.

– Я уверен, что это он, – произнес Дирборн.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда Эйвери с Рамиресом припарковались у дома Аллена Хаггерти, она получила досье на него по электронной почте. Блэк была удивлена такому скудному количеству нарушений. У парня было всего три штрафа за скорость, начиная с семнадцати лет, и один арест за участие в практически спокойном протесте в Нью-Йорке четыре года назад. Ничего серьезного.

«Может он просто начал сходить с ума, когда Пэтти попыталась бросить его», – подумала Эйвери.

Иногда такое случалось. По факту, это даже было стандартным оправданием мужей, которые избивали своих жен. Все исходило от ревности, потери контроля и чувства уязвимости.

Дома никого не оказалось, поэтому, спустя полтора часа после сообщения Дирборнам о смерти дочери, на Аллена были разосланы ориентировки. Изучая окрестности, Рамирес в очередной раз доказал Эйвери, насколько хорошо понимал ее.

– Все это заставляет тебя думать о Роуз? – спросил он.

– Да, – согласилась она. – Как ты догадался?

– Я слишком хорошо изучил тебя, – улыбнулся он в ответ. – Я знаю, когда ты злишься, когда смущена, когда тебе некомфортно или ты счастлива. Также я обратил внимание на то, как быстро ты отвернулась от фотографий Пэтти в доме Дирборнов. Она не намного старше Роуз. Я заметил это. Поэтому ты настояла на том, чтобы самой поговорить с родителями?

– Да. Завидная наблюдательность.

– Бывает время от времени, – сказал Рамирес.

Телефон Эйвери зазвонил только в 22:08. На связи был Коннелли, чей голос звучал одновременно уставшим и возбужденным.

– Мы обнаружили Аллена Хаггерти, вышедшего из бара в Лисер-дистрикт, – сообщил он. – Сейчас его ведут двое наших парней. Как быстро вы сможете добраться туда?

«Лисер-дистрикт, – подумала она. – Район, где с утра мы болтали с Роуз о том, как хороша жизнь и как быстро мы восстанавливаем наши отношения. А теперь там же разгуливает возможный убийца. Это... страшно. Будто зачем-то ходишь по опасному и странному кругу».

– Блэк?

– Через десять минут, – ответила она. – Что за бар?

Она получила информацию и Рамирес отвез их в тот самый район, где менее двенадцати часов назад она проводила время с дочерью.

От осознания того, что Венди Дирборн больше никогда не сможет сделать этого, ей стало не по себе. Она даже немного разозлилась.

Честно говоря, ей не терпелось поджарить этого маленького сукина сына.

Двое офицеров, выследивших Аллена Хаггерти, были счастливы передать его. Одного из них Эйвери хорошо знала – пожилой мужчина, которому скоро пора уходить на пенсию. Его звали Энди Лю и он всегда улыбался. Но не сейчас, сейчас он казался раздраженным.

Все четверо встретились в его машине. На заднем сиденье находился Аллен Хаггерти, смущенный и явно расстроенный. Несколько человек, идущих в пятничный бар мимо них, пытались понять, что происходит, но не казаться при этом слишком заинтересованными.

– Он доставил какие-то неудобства? – спросил Рамирес.

– Не особо, – ответил напарник Энди. – Слегка выпил. Мы практически отвезли его в участок, думая выделить комнату для допросов, но О’Мэлли сказал, что вам стоит поговорить с ним до этого.

– Он знает, почему его задержали? – спросила Эйвери.

– Мы рассказали о смерти Пэтти Дирборн, – кивнул Энди. – Он чуть с ума не сошел, узнав об этом. Я сообщил новость в баре, пытаюсь сохранять спокойствие, но пришлось надеть наручники и вывести его наружу.

– Хорошо, – сказала Блэк. – Не возражаете, если мы позаимствуем вашу машину на пару минут? – добавила она, обернувшись назад и слегка нахмурившись.

– Любой каприз, – ответил Энди.

Эйвери пересела на место водителя, а Рамирес на пассажирское. Они оба повернулись в сторону, чтобы без труда увидеть лицо Аллена.

– Как это произошло? – спросил он. – Как она умерла?

– Пока точно не известно, – ответила Блэк, не видя причин ходить вокруг да около.

Она уже давно поняла, что честность была лучшим выбором, когда ты хотел получить четкую информацию от потенциального подозреваемого.

– Ее тело было найдено под льдом в замерзшей реке. У нас пока недостаточно информации, чтобы понять, умерла ли она от переохлаждения или была убита ранее.

«Наверное, это слегка резко», – подумала Эйвери, наблюдая, как лицо Аллена медленно вытягивается. Тем не менее, она была рада увидеть искренний шок в глазах Хаггерти, чтобы убедиться, что он никак не причастен к смерти Пэтти.

– Когда ты последний раз видел ее? – спросила она.

Было очевидно, что ему пришлось задуматься. Блэк практически со стопроцентной уверенностью могла сказать, что к рассвету Аллен потеряет куда больше, чем несколько лет любви к покойной девушке.

– Думаю, чуть больше года назад, – наконец ответил он. – И то, благодаря чистому совпадению. Мы столкнулись на выходе из продуктового магазина. Пару секунд мы смотрели друг другу в глаза и затем она спешно удалилась. Я не могу винить ее за это. Я вел себя, как полный мудака. Стал буквально одержим.

– И ни малейшего контакта с тех пор? – уточнила Эйвери.

– Нет. Я принял ее решение порвать со мной. Быть одержимым не лучший способ победить, так ведь?

– В ее жизни присутствовал человек, способный сотворить такое? – поинтересовался Рамирес.

В глазах Аллена снова появилось напряжение, пока он пытался осознать происходящее. Пока он думал, зазвонил телефон Эйвери. Она взглянула на дисплей и увидела, что это О’Мэлли.

– Да? – быстро ответила она.

– Вы где? – спросил капитан.

– Общаемся с бывшим парнем.

– Есть вероятность, что он может быть тем, кого мы ищем?

– Очень сомневаюсь, – произнесла Блэк, продолжая наблюдать, как горе настигает Аллена на заднем сиденье.

– Хорошо. Мне нужно, чтобы вы срочно вернулись в участок.

– Все в порядке? – поинтересовалась она.

– Это зависит от того, как посмотреть, – ответил О’Мэлли. – Мы получили письмо от убийцы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Еще до того, как Эйвери с Рамиресом вошли в участок, она могла с уверенностью заявить, что ситуация вышла из-под контроля. Ей пришлось очень осторожно маневрировать по парковке А1, чтобы случайно не зацепить какого-нибудь репортера или фургончик СМИ. Тут царил настоящий хаос, а они еще даже не попали внутрь.

– Выглядит печально, – заявил Рамирес.

– Да уж, – ответила Блэк. – Как, черт возьми, пресса прознала о письме, если оно попало прямо в участок?

Рамирес мог лишь пожать плечами. Они вышли из машины и поспешили в здание. Несколько журналистов преградили им путь, один из которых встал практически прямо перед Эйвери. Она чуть не наткнулась на него, обойдя в последнюю секунду. Блэк услышала, как он обозвал ее сукой, но сейчас это мало волновало ее.

Они пробивались к двери, пока журналисты требовали прокомментировать ситуацию и делали снимки. Эйвери ощутила, как закипает кровь внутри, и еле сдержалась, чтобы не пнуть одного из этих любопытных репортеров под зад.

Наконец, попав внутрь, они надежно заперли за собой дверь и с огорчением обнаружили, что в участке обстановка была не намного лучше. Она и раньше видела А1 в состоянии полного безумства, но это было что-то новенькое.

«Видимо, в А1 появилась крыса», – подумала Эйвери, быстро продвигаясь к кабинету Коннелли. По пути она заметила Дилана, пытающегося пройти по коридору. За ним шли О’Мэлли и Финли.

– Конференц-зал, – рявкнул Коннелли.

Блэк кивнула, свернув направо и двинувшись дальше по коридору. Она обратила внимание, что у дверей больше никто не болтался, а значит, совещание будет небольшим. Подобные собрания были не самыми приятными. Они с Рамиресом прошли за Диланом. Когда О’Мэлли и Финли зашли в зал, Коннелли закрыл за ними дверь.

Он бросил на стол лист бумаги, который хранился в пластиковом файле, засчет чего тот почти идеально проскользил по направлению к Эйвери. Она осторожно подняла его и заглянула внутрь.

– Просто прочитай, – сказал Коннелли.

Он явно был сильно расстроен и выглядел немного бледным. Волосы находились в полном беспорядке, а во взгляде читалась дикость.

Эйвери сделала, как было велено. Не доставая сам лист, она прочла послание. С каждым словом зал, казалось, становился холоднее.

Лед красив, но он убивает. Представьте великолепный блеск тонкого слоя инея на ветровом стекле поздним осенним утром. Этот же прекрасный лед убивает всю растительность.

В его красоте видна и его эффективность. Цветок снова сияет прелестными оттенками... он всегда возвращается. Возрождение.

Холод эротичен, но может покалечить. Представьте лютый мороз во время зимнего шторма, пока вы лежите с любимым человеком, свернувшись калачиком под одеялом.

Еще не остыли? Чувствуете, что холод перехитрил вас?

И это еще не все. Будет больше холодных тел, плавающих по загробным рекам.

Уверен, вы попытаетесь остановить меня.

Но вы поддадитесь холоду прежде, чем найдете меня. И, пока вы будете охладевать, недоумевая, что же произошло, подобно цветку, подвергшемуся заморозкам, я буду уже очень далеко.

– Когда оно поступило? – спросила Эйвери, положив письмо на стол, чтобы Рамирес мог перечитать еще раз.

– Сегодня утром, – ответил Коннелли. – Но конверт открыли лишь час назад.

– Каким образом пресса прознала так быстро? – спросил Рамирес.

– Потому что каждая местная газетенка получила копию.

– Вот дерьмо, – в сердцах выразился он.

– Нам известно, когда СМИ получили информацию? – поинтересовалась Эйвери.

– По электронной почте чуть больше часа назад. Мы предполагаем, что это было сделано для того, чтобы новость попала в одиннадцатичасовой выпуск.

– Выяснили, откуда были отправлены письма? – уточнила она.

– О, тут мы облажались по полной... Точнее, это *первое*, в чем мы облажались, – ответил О’Мэлли. – Электронная почта зарегистрирована на женщину по имени Милдред Спенсер. Семидесятидвухлетняя вдова, которая завела этот адрес, чтобы поддерживать связь со своими внуками. С ней, конечно же, общаются, но все указывает на взлом.

– Мы можем как-то отследить взлом? – спросила Блэк.

– В А1 никто не может. Мы подключили руководство для помощи.

Рамирес дочитал письмо, отложив его к центру стола. Эйвери снова взяла лист и просмотрела его. Она не стала читать заново, но изучила бумагу, почерк и странное расположение самого текста на бумаге.

– Есть какие-нибудь предположения, Блэк? – спросил Коннелли.

– Несколько. Во-первых, где конверт?

– На моем столе. Финли, можешь сгонять и принести его?

Финли сделал ровно так, как его попросили, пока Эйвери продолжала рассматривать письмо. Почерк был четким, немного похожим на детский. Казалось, кто-то потрудились. Несколько слов буквально выскакивали, крича о своей странности.

– Что еще? – поинтересовался Коннелли.

– Несколько моментов, но это прыжок с места в карьер. Тот факт, что он прислал нам письмо, означает, что парень хочет, чтобы мы знали о его существовании, но не смогли понять кто это. Может для него это и не игра, как таковая, но он явно хочет заявить о себе. Ему нравится охота. Он хочет, чтобы мы пошли за ним.

– Видишь какие-нибудь подсказки? – спросил О’Мэлли. – Я просмотрел его раз десять, но так ничего и не нашел.

– Ну, в некоторых местах формулировка достаточно странная. К примеру, упоминание о ветровом стекле в тексте, где он ссылается на цветы и одеяла любовников, немного неожиданно. Стоит также отметить, что он использовал слова «*эротичный*» и «*любимый*». Объединив это с тем фактом, что найденная сегодня жертва была довольно красива, это должно что-то означать. Также у меня вызывает беспокойство упоминание о *загробных реках* и *возрождении*. Но тут можно насчитать миллион вариантов. Все без толку, пока мы не узнаем больше.

– Что-нибудь еще? – спросил Рамирес со своей обычной, не особо скрываемой улыбкой.

Ему нравилось наблюдать за ней во время работы. Блэк попыталась откинуть эти мысли, продолжая.

– То, как он заканчивает предложения... такое ощущение, что это обрывки какого-то стиха. Стиль всех писем, направленных убийцами в полицию или СМИ, которые я встречала ранее, обычно заключался в блоках.

– И что это нам дает? – удивился Коннелли.

– Может и ничего, – ответила Эйвери. – Я просто размышляю.

В дверь постучали. Дилан открыл ее и зашел Финли, заперев за собой замок. Затем он осторожно положил конверт на стол переговоров. В нем не было ничего примечательного. Адрес участка был указан тем же аккуратным почерком, что и само письмо. Обратного адреса

не имелось, зато в левом углу стоял безноминальный штамп. Марка также была наклеена на левый угол, частично задевая штамп.

– Пришло из отделения 02199, – добавил О’Мэлли. – Но это абсолютно ничего не означает. Убийца мог пройти кучу километров, чтобы отправить его.

– Да, это так, – сказала Эйвери. – И парень кажется достаточно умным, чтобы выдать себя индексом. Он понимает это. Тут и проверять нечего, могу поспорить.

– Хорошо, но что тогда нам остается делать? – спросил Финли.

– Что ж, – ответила Блэк, – этот парень, судя по всему, просто озабочен холодом, особенно льдом. И этот вывод вытекает не только из того, где было обнаружено тело. Все письмо кишит этой темой. Он заикнулся. Мне интересно... Может нам стоит поискать в местах, связанных со льдом или холодом? Катки, морозильники для мяса, специальные лаборатории, все что угодно.

– Ты считаешь, что место не имеет значения? – спросил Коннелли. – Если он хочет, чтобы о нем узнали, может все-таки стоит проверить индекс?

– Нет, не уверена. Не до конца. Но, если нам удастся отыскать какую-то фирму, деятельность которой связана со льдом, в этой области, то стоит начать оттуда.

– Хорошо, – ответил Финли. – Стоит ли нам проверить записи с камер наблюдения в районах почтовых отделений или почтоматов?

– Боже, нет, – произнес Коннелли. – Это займет вечность и мы не знаем, когда именно было отправлено письмо.

– Потребуется список фирм, о которых я сказала, – добавила Эйвери. – Отсюда и стоит начинать. Кто-то может предложить что-то прямо сейчас?

– Мне в голову ничего не пришло, – ответил Коннелли со вздохом после нескольких минут тишины. – Но через полчаса я могу достать тебе список. Финли, займешься этим?

– Уже работаю, – ответил тот.

– Финли теперь мальчик на побегушках? – спросила Эйвери, подняв бровь, когда он снова вышел из комнаты.

– Не совсем. Ты не единственная, кого собираются продвигать. Я пытаюсь привлечь его к участию во всех аспектах громких дел. И, как ты знаешь, он считает, что тебе просто невозможно везет. Поэтому я даю ему повод понять все, как есть.

– А почему мы заперлись в конференц-зале? – поинтересовалась она.

– Из-за СМИ. Не хочу давать им лишнюю возможность, рискуя камерами или телефонными линиями.

– Это похоже на паранойю, – ответил Рамирес.

– Я бы сказал на *осторожность*, – слегка резко отреагировал Коннелли.

Чтобы не допустить ссоры между ними, Эйвери снова придвинула письмо.

– Вы не возражаете, если я еще раз взгляну на него, пока мы ждем результаты?

– Конечно. Я был бы рад, если кто-то из А1 получит информацию до того, как СМИ поднимут волну хаоса по телевидению и какой-то глупый ребенок в подвале поймет все быстрее нас.

– Надо привлечь криминалистов. Почерк стоит проанализировать, а конверт проверить на любые следы: отпечатки пальцев, пыль, что угодно.

– Они уже в курсе и письмо попадет к ним сразу, как только ты закончишь.

– Это нужно сделать быстро, – сказала Эйвери. – Понимаю, что ты лишь пошутил по поводу ребенка в подвале, но беспокойство вполне оправдано. Когда письмо попадет на экраны, неизвестно, кто и что сумеет выдумать.

Блэк начала более внимательно изучать текст, когда вернулся Финли.

– Быстро, молодец, – похвалил О’Мэлли.

– Получилось так, что у одной из наших диспетчеров муж работает возле Пруденшал Центр. А это, кстати, в области 02199. Возможно, просто совпадение, но стоит проверить. И так, он работает в технической лаборатории. Она говорит, что они постоянно экспериментируют с квантовой механикой и подобными вещами. Что-то вроде филиала технического факультета Бостонского университета

– Квантовая механика? – спросил капитан. – Это не совсем подходит для нашего парня.

– Все зависит от типа проводимых экспериментов, – ответила Эйвери, мгновенно заинтересовавшись. – Я не сильна в этой области, но знаю, что в квантовой механике есть вещи, для которых развивают экстремальные температуры. Что-то, связанное с проверкой прочности и поиском основных точек разных видов материй.

– Откуда, черт возьми, ты знаешь все это? – удивился Коннелли.

– Любила смотреть Discovery в колледже, – пояснила она, пожав плечами. – Что-то, видимо, отложилось в памяти.

– Что ж, это интересно, – продолжил Дилан. – Давайте раздобудем информацию о лаборатории и пообщаемся с руководством.

– Я займусь, – сказала Эйвери.

– А пока, – произнес Коннелли, глядя на часы, – ночной выпуск новостей будет в эфире через три минуты. Давайте включим и посмотрим, насколько СМИ ухудшат положение дел.

Он вышел из конференц-зала вместе с О'Мэлли. Финли посмотрел на Эйвери извиняющимся взглядом и поспешил за ними. Рамирес, покачав головой, уставился на письмо через плечо Блэк.

– Как думаешь, этот парень и правда псих или просто хочет, чтобы мы так *думали*? – спросил он ее.

– Пока не знаю, – ответила она, перечитывая загадочное письмо. – Но считаю, что эта лаборатория – идеальное место для старта.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Esben Technologies буквально замаскировалась среди других обычных зданий примерно в полутора милях от Пруденшал Центр, целого квартала серых безликих строений. Компания занимала центральное здание и абсолютно ничем не отличалась от остальных. Вряд ли можно было бы принять ее за лабораторию, не зная об этом.

Зайдя внутрь, Эйвери с Рамиресом обратили внимание, что лобби имело прекрасные деревянные полы, подсвеченные утренним солнцем, которое падало из окон, расположенных наверху. Вдоль дальней стены была установлена длинная стойка. На одном конце женщина работала за компьютером. На другом девушка заполняла какие-то бланки. Когда они вошли, последняя подняла голову и небрежно улыбнулась.

– Детективы Эйвери Блэк и Рамирес, – сообщили они, дойдя до стойки. – Мы хотели бы поговорить с кем-нибудь из руководства.

– Сам начальник живет в Колорадо, но управляющий должен находиться в кабинете.

– Он нам вполне подойдет, – кивнула Блэк.

– Минутку, – ответила девушка, вставая и направляясь к большой дубовой двери в дальнем конце помещения.

Когда она ушла, Рамирес приблизился к Эйвери, говоря тише, чтобы вторая женщина, работавшая за ноутбуком, не услышала их.

– Ты тоже не знала о существовании этого места до вчерашнего дня? – спросил он.

– Понятия не имела. Но думаю, такая позиция себя оправдывает. Технологические центры, которые привязаны к колледжам, но фактически не расположены на территории кампуса, обычно предпочитают держаться в тени.

– Снова Discovery? – поинтересовался Рамирес.

– Нет. Скорее опыт.

Прошло чуть меньше минуты, когда девушка вернулась. С ней шел мужчина, одетый в рубашку на пуговицах и брюки цвета хаки. Одежду частично скрывал длинный белый халат, которые обычно носят врачи. На его лице виднелось беспокойство и заинтересованность, лишь усиливавшиеся засчет очков.

– Здравствуйте, – произнес он, подойдя к Эйвери и Рамиресу и протягивая руку. – Я Хэл Брайсон. Чем могу помочь?

– Вы работаете управляющим? – уточнила Блэк.

– Вроде того. Здесь работают всего четверо. Пытаемся крутиться, но да, я ответственен за эксперименты и данные.

– А что за эксперименты здесь проводятся? – спросила Эйвери.

– Довольно много видов, – ответил Брайсон. – Не хочу показаться наглым, но, если вы сообщите, зачем пришли сюда, то я смогу более точно описать всю суть.

Эйвери говорила тихо, не желая, чтобы женщина за стойкой услышала ее. Поскольку Брайсон явно не собирался приглашать их внутрь, она поняла, что придется это делать прямо здесь и сейчас.

– Мы работаем над делом, где подозреваемый, похоже, интересуется экстремально низкими температурами, – сообщила она. – Вчера он прислал интересное письмо в участок. Мы проверяем, не проводите ли вы какие-то эксперименты, которые могут быть связаны с сильным охлаждением. Случай довольно необычен, поэтому мы начинаем с единственной зацепки, которая у нас имеется – с холода.

– Ясно, – кивнул Брайсон. – Ну, на самом деле, мы действительно проводим здесь эксперименты, связанные с экстремально низкими температурами. Я могу проводить вас прямо

в лабораторию и все показать, но сначала потребуется пройти полную санитарную обработку и надеть специальные защитные костюмы.

– Спасибо за предложение, – ответила Эйвери. – Возможно, мы воспользуемся им позже, но надеюсь, нам все же не придется делать это. Можете просто описать нам эти эксперименты?

– Конечно, – сказал Хэл. Казалось, он был доволен, что смог помочь и, начав объяснять, сразу стал похож на строгого учителя. – Большая часть экспериментов и иных работ, проводимых здесь, связана с вовлечением низких температур. Они предполагают выход за приемлемые пределы, известные как пределы квантового обратного действия. Подобным пределом является температура, едва превышающая абсолютный ноль, то есть примерно в десять тысяч раз холоднее той, с которой вы можете столкнуться в открытом космосе.

– И какова цель? – спросила Блэк.

– Исследование и разработка сверхчувствительных датчиков для более продвинутой работы. Также это является отличным способом понять структуру некоторых элементов и их реакцию на столь экстремальные температуры.

– И вы достигаете подобных температур прямо здесь, в этом здании? – спросил Рамирес.

– Нет, не в наших лабораториях. Мы работаем в качестве информационного центра Национального Института Стандартов и Технологий в Боулдере. Но, в принципе, мы и тут могли бы развить нечто подобное.

– И Вы говорите, что вас всего четверо, – продолжила Эйвери. – Так было всегда?

– Год назад было пятеро. Одному из моих коллег пришлось уйти. У него появились головные боли и другие проблемы со здоровьем. Он и правда сильно сдал.

– Он сам принял решение уйти? – уточнила она.

– Да.

– Вы можете сообщить нам его имя?

– Его звали Джеймс Нгуен, – сказал Брайсон, слегка забеспокоившись. – Прошу прощения, что вмешиваюсь, но я сильно сомневаюсь, что он тот человек, которого вы ищете. Он всегда был очень добрым, вежливым... спокойным парнем. Он был гениален.

– Я ценю Вашу искренность, – сказала Блэк, – но мы вынуждены проверять абсолютно все данные. Вы случайно не знаете, как мы можем связаться с ним?

– Да, я могу достать эту информацию.

– Когда в последний раз Вы разговаривали с мистером Нгуеном?

– Это было... Ох, не знаю... Месяцев восемь назад. Просто позвонил, чтобы узнать, как у него дела.

– И как *были* дела?

– Хорошо, насколько я знаю. Он работает редактором и исследователем научного журнала.

– Спасибо за уделенное время, мистер Брайсон. Нам бы очень помогло, если бы Вы смогли поделиться контактной информацией Нгуена.

– Конечно, – ответил он, как-то погрузнев, – минутку.

Хэл подошел к ресепционистке, сидящей за ноутбуком, и что-то тихо ей сказал. Женщина кивнула и начала печатать что-то новое. Пока они ожидали, Рамирес снова приблизился к Эйвери. Чувство было странным. Трудно оставаться профессионалами, находясь так близко друг к другу.

– Квантовая механика? – спросил он. – Открытый космос? Боюсь, что этот человек может оказаться гораздо умнее меня самого.

Она улыбнулась и Рамирес еле сдержался, чтобы не поцеловать ее. Блэк сделала все возможное, чтобы сосредоточиться, когда Брайсон направился к ним с распечаткой в руке.

– Это выше и моего понимания тоже, – прошептала она Рамиресу, улыбнувшись еще раз. – Но я точно не против того, чтобы не углубляться.

Несколько дней подряд Эйвери была удивлена тому, как быстро и гладко все проходит. Брайсон передал им номер телефона, адрес электронной почты и места жительства Джеймса Нгуена. Блэк позвонила ему и тот не только ответил, но и пригласил в свой дом. Казалось, мужчина был даже рад их приезду.

Именно поэтому, когда они с Рамиресом подошли к входной двери, спустя сорок минут, единственным ощущением было то, что они попусту теряют время. Нгуен жил в красивом двухэтажном доме в Бикон-Хилл. Судя по всему, его карьера в науке принесла свои плоды. Эйвери иногда восторгалась людьми с математическим или аналитическим складом ума. Ей нравилось читать их труды или просто слушать выступления (это одна из причин, почему она интересовалась каналом Discovery и журналами «*Scientific American*», которые перелистывала в библиотеке колледжа).

Поднявшись на крыльцо, Рамирес постучал в дверь и Нгуен тут же открыл. По внешнему виду ему можно было дать около шестидесяти, а одет он был в футболку «Кельтов» и шорты. Джеймс выглядел спокойным и даже почти счастливым.

Поскольку они уже представились по телефону, он пригласил их в дом. Они вошли в довольно оригинальное фойе, ведущее в огромную гостиную. Хозяин дома явно приготовился к приему гостей. На дорогом журнальном столике стояли чашки с кофе и бублики.

– Присаживайтесь, – сказал Джеймс.

Эйвери с Рамиресом расположились на диване перед столиком, а Нгуен уселся в кресло напротив.

– Угощайтесь, – произнес он, указывая на кофе со сладостями. – Чем могу помочь вам?

– Что ж, как я уже упомянула по телефону, – начала Блэк, – мы общались с Хэлом Брайсоном и он сказал, что Вам пришлось уволиться из Esben Technologies. Можете подробнее рассказать нам об этом?

– Да. К сожалению, я переусердствовал, вкладывая слишком много времени и энергии в работу. У меня ухудшилось зрение и начались сильные приступы головной боли. Я работал по восемьдесят шесть часов в неделю на протяжении семи или восьми месяцев. Был буквально одержим работой.

– А чем именно Вы занимались? – уточнила Эйвери.

– Оглядываясь назад, я даже не могу сказать точно, – ответил он. – Я просто знал, что мы были очень близки к созданию в лаборатории таких температур, которые могли бы имитировать ощущения человека в космосе. Манипулировать различными элементами при помощи температур... В этом есть нечто божественное. Это может сделать вас одержимым. Я просто не понимал этого, пока не стало слишком поздно.

«Его страсть к работе идеально подходит под описание человека, которого мы ищем», – подумала Эйвери.

Тем не менее, просто пообщавшись с Нгуеном пару минут, она была абсолютно уверена, что Брайсон бы прав. Джеймс никак не был замешан в этом деле.

– Над чем именно Вы работали, когда пришлось уволиться? – спросила Блэк.

– Это довольно сложно объяснить, – ответил он. – И с тех пор многое изменилось. Но, по сути, я работал над избавлением от чрезмерного тепла, получаемого в результате потери атомами своих импульсов в процессе охлаждения. Я изменял квантовые единицы вибрации и фотонов. Сейчас же, насколько я понимаю, это уже усовершенствовано нашими специалистами в Боулдере. Но в то время я буквально *сходил с ума!*

– Несчитая работы в журнале и колледже, Вы еще занимаетесь чем-нибудь в текущее время? – поинтересовалась Эйвери.

– Балуюсь то тут, то там, – кивнул Джеймс. – Но это просто хобби. У меня есть своя маленькая лаборатория в арендуемом помещении в нескольких кварталах отсюда. Ничего серьезного. Хотите взглянуть?

Блэк могла с уверенностью заявить, что их не заманивали и не давали ложных зацепок. Нгуен был очень увлечен своей деятельностью. Чем больше он говорил о том, с чем работал, тем глубже они вникали в суть квантовой механики, в мир, где правил сумасшедший убийца, сбрасывающий тела в замерзшую реку.

Рамирес посмотрел на Эйвери и она ответила кивком.

– Что ж, мистер Нгуен, – произнесла Блэк, – мы очень ценим уделенное нам время. Позвольте задать Вам еще один вопрос: пока Вы работали в лаборатории, приходилось ли Вам иметь дело с кем-то из коллег или студентов, кто показался бы полным чудачком или немного сумасшедшим?

– Не могу припомнить, – покачал он головой после нескольких секунд раздумий. – И опять же, все ученые слегка эксцентричны. Но, если я что-то вспомню, то обязательно дам знать.

– Спасибо.

– А вы сообщите, если передумаете и захотите увидеть мою лабораторию.

«Одинокий и помешанный на работе, – подумала Эйвери. – Черт, да я была такой же еще несколько месяцев назад».

Она могла понять его. Поэтому Блэк с искренней радостью взяла предложенную Нгуеном визитку, когда он провожал их. Хозяин дома закрыл дверь лишь тогда, когда гости спустились по лестнице с крыльца и дошли до машины.

– Ты хоть что-то поняла из всего, что он говорил? – спросил Рамирес.

– Совсем немного, – ответила она.

Но правда заключалась в том, что Нгуен все же сказал *одну* вещь, которая застряла у нее в голове. Это абсолютно не означало, что он стоит дальнейшей проверки, но подкинуло ей идею, как правильно понять убийцу.

«Манипулировать различными элементами при помощи температур, – сказал Джеймс, – в этом есть нечто божественное».

«Возможно, наш убийца разыгрывает какую-то сцену, – подумала она. – И, если он считает себя подобным Богу, то может оказаться намного опаснее, чем мы думаем».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хомяк был больше похож на пушистую глыбу льда, когда он достал его из морозильника. Он и *по ощущениям* походил на него. Мужчина не смог сдержать смех от звонкого звука, раздавшегося, когда тело бедного замороженного животного коснулось листа для выпечки. Лапы зверька замерли в воздухе, резко контрастируя с тем, как в панике дергались во все стороны, когда он только засунул хомяка в морозильник.

Это произошло три дня назад. С тех пор полиция уже нашла тело девушки в реке. Он был удивлен тому, насколько далеко течение унесло его. Прямо до Уотертауна. Жертву звали Пэтти Дирборн. Звучит слишком пафосно. Но, черт возьми, она была прекрасна.

Водя пальцем по ледяному животу хомячка, он лениво размышлял о Пэтти, девочке, которую он подобрал на окраине кампуса Бостонского университета. Он так сильно нервничал, но все прошло абсолютно спокойно. Конечно же, он не хотел убивать ее. Просто все вышло из-под контроля. А затем... Затем это его раскрепостило.

Он хотел лишь получить красоту, но не убивать. Даже когда Пэтти Дирборн перестала дышать, она все еще оставалась прекрасной. Раздев ее догола, он увидел, что девочка была безупречна во всем. На нижней части спины была небольшая родинка, а также маленький шрамик вдоль лодыжки. Несчитая этого, на ней не было ни единого изъяна.

Он сбросил Пэтти в реку. Она была уже мертва, достигнув ледяной воды. Он внимательно и с большим нетерпением следил за новостями, думая, не смогут ли они вернуть ее... Задаваясь вопросом, не сохранит ли лед, в котором он продержал ее те два дня, жизнь девушке.

Конечно же, этого не произошло.

«Я был небрежен, – подумал он, глядя на хомяка. – Это займет некоторое время, но я выясню причины».

Он надеялся, что хомяк поможет ему разобраться. Глядя на это маленькое, замороженное тельце, он взял с кухонного стола две грелки. Они напоминали специальные подушечки, используемые спортсменами для расслабления мышц и других напряженных частей тела. Он положил одну подушечку под тело зверька, а второй накрыл маленькие ножки и оставшуюся замерзшую часть.

Он был уверен, что нужно подождать. Времени хватало... Он никуда не спешил. Он пытался обмануть смерть и знал, что она никуда не денется.

С этой мыслью он издал звук, разлетевшийся по квартире, словно хохот какой-то ведьмы. В последний раз взглянув на животное, он ушел в спальню. Она была хорошо убрана, как и прилегающая ванная комната. Он зашел туда и вымыл руки с таким трепетом, будто являлся хирургом перед операцией. Затем он уставился в зеркало на свое отражение, которое периодически напоминало ему какого-то монстра.

По левой стороне его лица простыл ужасный шрам. Он начинался под глазом и заканчивался у нижней губы. Большая часть кожи и тканей была спасена молодым организмом, но бесцветный рубец так и остался на всю жизнь, а рот, казалось, застыл в постоянном оскале.

В тридцать девять лет он перестал обращать внимание на то, как страшно выглядит. Он уже смирился с этим. Хреновая мать не уследила. Но все хорошо... Он уже работал над тем, чтобы это исправить. Он взглянул на искаженное отражение в зеркале и улыбнулся. Могли потребоваться годы, но все хорошо.

– Хомяки стоят всего по пять баксов за штуку, – произнес он в пустой комнате. – А эти симпатичные студентки колледжа выходят по десять центов.

Он провел небольшое исследование, ковыряясь на форумах практикующих медсестер и студентов-медиков и выяснил, что грелки необходимо держать около сорока минут, после чего

приступил к своим экспериментам на хомяках. В результате данной процедуры получится медленное отогревание, которое не сильно нарушит или потрясет замерзшее сердце.

Эти сорок минут он потратил на просмотр новостей, вылавливая информацию о Пэтти Дирборн. Он узнал, что девушка училась на психолога в Бостонском университете. У нее был парень и любящие родители, которые теперь оплакивали утрату. Интервью с ними, обнимающимися и плачущими, сейчас показывали по телевизору.

Он выключил его и прошел на кухню. Запах тающей плоти начал наполнять комнату... Запах, которого он никак не ожидал. Он подбежал к маленькому тельцу и снял грелки.

Мех был скомканным, а ранее замороженный животик обуглился. Он провел пальцем по крошечному пушистому животному, которое извергало небольшие столбы дыма, а затем бросил его на пол. Он закричал.

Некоторое время он в ярости носился по квартире. Как всегда, его гнев и неистовая злоба были вызваны воспоминаниями о пылающей горелке... Запахе обожженной плоти из детства.

Через пять минут его крики превратились во всхлипывания и рыдания. Затем, как ни в чем не бывало, он вышел на кухню и взял хомяка. Он бросил его в мусорную корзину, словно какой-то хлам и вымыл руки в кухонной раковине.

Покончив с этим, он начал насвистывать какую-то мелодию. Сняв ключи с крючка у двери, он по привычке коснулся свободной рукой шрама на лице. Заперев дом, он вышел на улицу. В разгар прекрасного зимнего утра, он сел в свой красный фургончик и поехал по дороге.

Его взгляд упал на зеркало заднего вида.

Постоянный хмурый оскал никуда не исчез, но он не позволил своим чувствам взять верх. У него была работа, которую нужно было сделать.

Софи Ленц, наконец, покончила со всеми этими братствами. Она уже почти закончила и этот дерьмовый колледж.

Напрасно или нет, но она прекрасно знала, как выглядит. Конечно, были девушки и красивее ее, но в ней кипела латинская кровь, объединившаяся с темными глазами и черными волосами. Софи прекрасно умела пользоваться своим акцентом, то включая его, то убирая, когда требовалось. Она родилась в Америке, выросла в Аризоне, но по словам матери латинская кровь никуда не делась. Она не покинула и ее родителей... Даже когда они переехали в Нью-Йорк через неделю после приема Софи в Эмерсон.

Корни больше просматривались в ее внешнем виде, нежели в характере или индивидуальности. В Аризоне ей это здорово помогало. Честно говоря, это также сыграло свою роль и в колледже, но только в первый год. Она немного поэкспериментировала тогда, но не так сильно, как считала ее мать. Все было довольно просто: Софи Ленц было трудно уложить в постель, но, если уж она оказывалась в твоей кровати, то жди фейерверка.

Она считала, что можно получить репутацию и похуже. Но сегодня все было просто ужасно. Она целовалась с парнем, которого вроде звали Кевином, и впустила его к себе. Но, как только они остались одни, он не принял отказ...

Правая рука Ленц все еще болела. На костяшках виднелась кровь. Она вытерлась о свои обтягивающие джинсы, вспомнив хруст носа этого мудака, когда она двинула ему кулаком. Софи была в ярости, но в глубине души задавалась вопросом, не заслуживает ли на самом деле подобного отношения. Она не особо верила в карму, но прикинула, что ей могло вернуться за ту сучку, которой она была в прошлом семестре. Вполне возможно, что она пожинала собственные плоды.

Она шла по улицам, пересекающим территорию колледжа Эмерсон, направляясь домой. Ее соседка-паинька в любом случае сидит дома и готовится к какому-нибудь очередному тесту, так что она не останется одна.

Ленц была всего в трех кварталах от дома, когда ощутила нечто странное. Она оглянулась, ожидая увидеть, что кто-то следит за ней, но было пусто. Она увидела силуэты людей, сидящих в маленьком кафе в нескольких футах от нее, и все. В голове проскочила мысль о том, каким идиотом нужно быть, чтобы пить кофе в 23:30. Затем Софи снова вернулась к воспоминаниям о Кевине или как там звали этого придурка.

Впереди у светофора кто-то слушал ужасный хип-хоп. Задний бампер машины сотрясся от звука, а басы казались совсем скудными.

«Ты сегодня и правда ведешь себя, как сучка, разве не так, боксерша?» – спросила она себя.

Она снова взглянула на слегка опухшую руку и ухмыльнулась: «Да-да, я такая».

К тому моменту, как Ленц добралась до перекрестка, где стояла машина с раздражающей музыкой, свет, наконец, сменился на зеленый и водитель унесся прочь. Софи свернула направо и увидела свой дом. Снова возникло странное ощущение, будто за ней следят. Она резко повернулась, но никого не было. Чуть дальше по улице, мило держась за руки, прогуливалась парочка. Вокруг стояло несколько припаркованных машин и один красный фургон подъезжал к светофору, который она только что прошла.

Скорее всего это была просто паранойя из-за того, что какой-то неудачник попытался изнасиловать ее. Этот факт, совместно с бушующим адреналином внутри, были не лучшей комбинацией. Ей нужно было добраться домой, умыться и лечь спать. Пора заканчивать вечеринку.

Софи приблизилась к зданию, искренне надеясь, что соседки все же не будет дома. Она бы закидала ее кучей вопросов по поводу раннего возвращения домой. И она сделала бы это от скуки и потому, что у нее самой не было никакой личной жизни, а не потому, что ей было не наплевать.

Ленц поднялась по ступенькам к входной двери. Открыв ее и войдя внутрь, она снова оглянулась на улицу, все еще испытывая странное ощущение. Было пусто. Единственное, что она увидела, это парочку, которая ссорилась возле ее же дома, но тремя подъездами дальше. И этот красный фургон на светофоре, вызвавший холодок внутри. Софи задумалась не был ли водитель озабоченным чуваком, наблюдавшим за происходящим у дома.

Глядя на всех этих придурков, Софи зашла внутрь, закрыв за собой дверь и оставив ночь позади. Но тревожное чувство так и осталось.

Она проснулась утром, когда соседка уже ушла. Скорее всего, эта шумная сучка пошла за своими манго и папайей, чтобы приготовить очередной вычурный фруктовый коктейль. Софи точно знала, что с утра у ее сожительницы не было занятий. Она взглянула на часы и увидела, что уже 10:30.

«Черт», – подумала она. Через час начинались уроки и она явно не успевала. Ленц планировала направиться в душ, затем позавтракать и пойти в кампус. Она застонала, пытаясь понять, как умудрилась стать такой. Теперь она будет задирой? Позволит личной драме помешать получить хорошее образование и встать на ноги? Неужели...

Стук в дверь буквально выдернул ее из размышлений. Софи заворчала и встала с кровати. На ней были только трусики и тоненькая хлопковая футболка, но это не имело никакого значения. Наверняка это вернулась соседка. Эта идиотка, скорее всего, забыла дома кошелек. Или ключи. Или что-нибудь еще...

Снова раздался стук, мягкий, но настойчивый. Да, это явно была она... Только она умудряется так раздражающе стучать.

– Подожди минутку, – крикнула Софи.

Она подошла к двери и открыла ее. Неожиданно перед ней возник незнакомец. С его лицом было что-то не так и это было первым, что она заметила.

И последним...

Он ворвался в квартиру, быстро закрыв дверь. Не успев закричать, Ленц ощутила, как ее горло сжала чужая рука, а в рот засунули кусок тряпки. Она вдохнула какой-то тяжелый химикат, засчет чего глаза сильно заслезились, мешая бороться.

Силы быстро покидали ее. К тому времени, когда страх, наконец, смог бы овладеть ей, мир завертелся в темноте, заставив Софи погрузиться во мглу, которая была намного чернее сна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночи, которые не были заняты работой или бесконечной спешкой, не были привычны для Эйвери. Поэтому, когда она оказалась в центре именно такого вечера, то понятия не имела, чем себя занять. На данный момент она сидела на диване, набирая смс Роуз. Блэк понимала, что если она действительно хочет стать дочери ближе, то придется потрудиться и научиться ставить ее в приоритет.

Напротив лежали заметки по делу Пэтти Дирборн, но пока они не вдохновляли. Там же была и ксерокопия письма убийцы, продолжающая насмехаться над Блэк, но она поставила дочь выше всего этого. С помощью переписки, Эйвери поняла, что Роуз действительно не хватало внимания матери, хоть она и сама могла не догадываться об этом. Она была активной, словно девушка-подросток, рассказывающая о мальчиках и кино и строя планы на их следующую вылазку, но все же была очень осторожна и рассказывала Роуз обо всех проблемах на работе, чтобы на случай, если что-то внезапно произойдет, это не стало полной неожиданностью для дочери.

Постепенно привыкая к этому странному методу общения со своим девятнадцатилетним ребенком, Эйвери также наслаждалась и другим аспектом новой жизни, который еще не полностью смогла осознать: большую часть свободного времени она проводила с Рамиресом.

Он сидел на противоположной стороне дивана, вытянув ноги, поверх которых Блэк положила свои.

«Немного грустно, – размышляла она. – Мило... но грустно. Я считала, что эта часть моей жизни уже не вернется... Поигрываю ногой с красивым мужчиной на собственном диване. Моя ли это жизнь?»

Она усмехнулась про себя, не в силах ничего поделать. Иногда сюрпризы, преподносимые жизнью, были просто непостижимы.

Рамирес тоже переписывался, только его сообщения были намного эмоциональнее, чем у Эйвери. Он спорил с арендодателем, что продолжалось уже около двух недель. Срок аренды истекал и владелец хотел увеличить плату почти на сто долларов.

– Как проходит? – уточнила Блэк.

– Не особо, – покачал он головой, отвлекшись от дисплея телефона. – Я связался и с другими жильцами. Он поднимает оплату лишь для тех, кто снимает квартиры на верхних этажах, и практически все согласны на его условия. Жалуюсь только я и еще парочка парней.

– А когда подходит срок? – поинтересовалась она.

– Через две недели. Это значит, что мне нужно найти новое жилье, собрать вещи и быть готовым быстро переехать.

– Есть предпочтения?

– Да. Моя нынешняя квартира. Мне нравится это местечко. Я живу здесь уже пять лет и теперь арендодатель выкидывает такие фокусы.

– Может займемся этим в субботу? Отправимся на поиски квартиры и найдем тебе симпатичное жилье.

– Если только ты найдешь мне квартирку вроде *твоей*, – сказал Рамирес.

Она улыбнулся, когда ее телефон завибрировал. Это снова была Роуз. Она интересовалась, смогут ли они сходить в кино в субботу. На какую-нибудь мелодраму, но не сильно слезливую. И без всяких взрывов и крови. Эйвери ответила, что было бы неплохо.

Рамирес отложил телефон и начал изучать информацию по делу Пэтти Дирборн. Блэк с уверенностью могла сказать, что он расстроен и слегка устал. Она подумала о том, что сегодня он останется у нее. Это уже становилось привычкой, если только ему не нужно было уезжать в семь или около того. Эйвери была абсолютно не против. Ей нравилось, что он всегда рядом.

И это было нечто большим, чем постоянная болтовня, частый секс и помощь на кухне. Она уже давно ни с кем не делила жилье. Пришлось привыкать заново, но Блэк нравилось и это. А то, как обстояли дела с Рамиресом и Роуз в последнее время, напоминало ей, какой *может* быть жизнь на самом деле. Не нужно работать круглосуточно и изнурять себя. Ей было чуть за сорок: фигура и внешность отлично сохранились, карьера была великолепна. Не было никаких оснований полагать, что лучшие времена уже прошли, когда столь многое еще впереди.

– А у меня есть идея, – сказала Блэк, откладывая телефон и глядя на Рамиреса.

– Какая? – спросил он, просматривая данные расследования.

– Вместо поисков квартиры в выходные, мы можем просто приехать к тебе и упаковать вещи.

– Мне хотелось бы знать, куда я переезжаю прежде, чем все упаковывать, – ответил он, явно смутившись.

– Что ж, я сказала, что у меня есть идея. Почему бы тебе не переехать сюда?

По лицу Рамиреса медленно растеклась улыбка. Он взглянул на нее, а затем судорожно на журнальный столик:

– Что?

– Переезжай ко мне, – добавила Эйвери.

– Ох, я бы с удовольствием. Но ты уверена? Мы итак круглосуточно находимся вместе на работе. Тебе не будет тяжело еще и домой со мной ехать?

Она резко пододвинулась к нему, сокращая дистанцию, и мягко поцеловала в губы, покачивая головой:

– Нет, не будет. И да, я уверена.

– Я не знаю, – произнес Рамирес. – Я имею в виду, что хотел бы. Это потрясающе, но я боюсь испортить то, что у нас есть сейчас.

– Значит, не надо портить.

Затем Эйвери перекинула правую ногу так, будто оседлав его. Поза, когда она уселась к нему на колени, глядя прямо в глаза, была достаточно игривой. Еще одна вещь, которая ей очень в нем нравилась: Рамирес заставлял Блэк чувствовать себя счастливой, сексуальной и молодой.

– Давай обсудим и подумаем, – сказал он. – Мы можем попробовать, но стоит поговорить об этом.

– Хорошо, – ответила она. – Но чуть позже.

С этими словами Эйвери взялась за края рубашки и стянула ее через голову. Как только она сбросила вещи на пол, Рамирес притянул ее ближе. Его руки коснулись спины, расстегивая лифчик, и в ближайший час поговорить им так и не удалось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Норман Беренс не знал точно почему, но всегда считал классным тот факт, что мог запросто оставить пиво в багажнике своего пикапа и затем достать его оттуда остывшим. Два часа назад он положил его в сумку-холодильник и результат уже ощущался. Даже сквозь перчатки он чувствовал низкую температуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.